

Романова Наталья Ивановна

РОМАН Л. Н. ТОЛСТОГО "АННА КАРЕНИНА" В РУССКОЙ КРИТИКЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Журнально-газетная полемика вокруг романа Л. Н. Толстого "Анна Каренина" 1875-1878 гг. и история ее изучения - тема настоящей статьи. Ее актуальность определяется отсутствием в современном литературоведении работ подобного типа. В ходе аналитического изучения опыта предшественников автор выявляет, с одной стороны, заметную неполноту фактического материала, на основе которого выстраивались исследования, с другой - намечает концептуально новый подход к проблеме восприятия романа современниками. В этом заключается научная новизна работы. Практическая значимость достигнутых результатов видится в возможности нового обращения к творческой истории "Анны Карениной".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 1. С. 64-71. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 808.1; 82.08;82(091); 82:801.6; 82-1/-9;82.09; 82-95; 82-31; 82-94

Журнально-газетная полемика вокруг романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» 1875-1878 гг. и история ее изучения – тема настоящей статьи. Ее актуальность определяется отсутствием в современном литературоведении работ подобного типа. В ходе аналитического изучения опыта предшественников автор выявляет, с одной стороны, заметную неполноту фактического материала, на основе которого выстраивались исследования, с другой – намечает концептуально новый подход к проблеме восприятия романа современниками. В этом заключается научная новизна работы. Практическая значимость достигнутых результатов видится в возможности нового обращения к творческой истории «Анны Карениной».

Ключевые слова и фразы: Л. Н. Толстой; историко-литературный процесс; критика; роман; интерпретация; полемика; периодика; научная традиция; творческая история.

Романова Наталья Ивановна, к. филол. н.

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
natromanova2007@yandex.ru*

РОМАН Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В РУССКОЙ КРИТИКЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Публикация романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в московском журнале «Русский вестник» (1875-1877 гг.) стала ярким фактом общественно-литературной жизни второй половины XIX века. Об этом свидетельствуют многочисленные критические статьи, появившиеся в периодических изданиях самых разных направлений после выхода первых же глав романа. Они содержат богатейший фактический материал, поскольку запечатлели непосредственную живую реакцию современников, отразили первые попытки осмысления художественного мира произведения, передали страстность и остроту журнально-газетной полемики.

Отзывы современников как неотъемлемая и важная часть творческой истории «Анны Карениной» становились предметом изучения не одного поколения исследователей. Однако проблема восприятия романа не утратила своей актуальности и на современном этапе развития научной мысли. В настоящее время в рамках осуществляемого в ИМЛИ РАН издания академического Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 100 томах ведется масштабная исследовательская работа по подготовке текста романа: критически вычитываются автографы, обновляются реальные комментарии, готовится творческая история. Поскольку выпуск нового собрания сочинений – это своего рода подведение научных итогов, работа в этом жанре предполагает обращение к опыту предшественников.

В современном литературоведении нет специальных работ по истории вопроса, касающегося прижизненной критики на роман. История вопроса не становилась предметом научной рефлексии и в предшествующие периоды: в статьях специалистов лишь упоминались работы коллег, иногда с краткой их характеристикой. А между тем изучение трудов предшественников, с одной стороны, и критического материала периодики – с другой, выявило имеющиеся в науке пробелы и поставило перед новым поколением исследователей вопросы, требующие осмысления.

Научная новизна настоящей статьи определяется двумя важными положениями. Во-первых, труды литературоведов, посвященные прижизненной критике, становятся самостоятельным объектом изучения. Это позволит выявить общие тенденции в изучении проблемы с перспективой их дальнейшего развития. Во-вторых, предлагается новый методологический подход к прижизненной критике, который ориентирован не только на общественно-политический контекст изучаемой эпохи, но и на филологический анализ критических статей. Отказ от избирательного принципа при отборе критического материала позволит ввести в полемику 1870-х гг. новые материалы, которые помогут внести существенные коррективы в сложившиеся в науке представления. Только с учетом всех аспектов журнально-газетной полемики второй половины 1870-х гг. возможна полная и объективная творческая история романа. В этом суть практической значимости статьи.

Традиционно историю вопроса [2] ведут с многотомных трудов последователей Толстого П. И. Бирюкова [3] и Н. Н. Гусева [8], посвященных жизни и творчеству писателя. Однако вопрос о критических отзывах на роман впервые был поставлен Н. Н. Страховым, находившимся в годы написания романа в активной переписке с автором [10]. В научной традиции письма Страхова обычно рассматривают в качестве одного из документов эпохи, в которых нашли отражение разнообразные подробности жизни Толстого – от религиозно-философских исканий до проблем издания нового собрания сочинений. Писатель ценил в Страхове настоящего собеседника, поэтому нередко делился с ним своими душевными мыслями, многие из которых касались специфики творческого процесса. Поскольку работа над «Анной Карениной» почти не отразилась в дневниках и записных книжках Толстого, то его переписка со Страховым приобретает особую ценность. Толстой рассказывает о мучительной работе над романом, когда творческий подъем сменялся унынием и почти отвращением к нему, о зарождении отдельных сцен, об отношении к критике как виду профессиональной деятельности в целом и к критике на роман в частности.

Письма Страхова, бесспорно, становятся бесценным источником сведений о Толстом, однако они могут рассматриваться и в качестве первого серьезного опыта изучения откликов современников. Конечно, критик

не ставил перед собой задачи собрать весь корпус критических материалов по «Анне Карениной», но в своих письмах нередко передавал писателю разноречивые толки, вызванные его романом. Он цитирует «Голос», «Русский вестник», «Русский мир», «Русские ведомости», «Новое время», «Отечественные записки» и др. Краткие комментарии Страхова к высказываниям критиков, свидетельствующие о превратном понимании большинством идеи романа, воссоздают сложную атмосферу разноречивых суждений и мнений, в которых воспринимался текст. Так, он иронически пишет о подражательном романе В. Г. Авсеенко «Млечный путь», свидетельствующем, что критик понял роман Толстого «совершенно навыворот» [Там же, с. 227]; о мнении прогрессистов, видящих в Толстом «защитника старой морали», так как «Анна чувствует угрызение стыда» в сцене падения [Там же, с. 203].

Безусловную ценность представляют сообщаемые Страховым отзывы частного характера, почерпнутые им в устных беседах и письмах. В этом ряду слова философа и публициста Н. Я. Данилевского, поэта Я. П. Полонского, философа и психолога М. М. Троицкого, поэта П. А. Кускова, академика И. И. Срезневского. В письме от 8 сентября 1877 г. Страхов цитирует слова своего приятеля И. А. Шестакова, председателя Олонецкой судебной палаты, пришедшего «в неописанный восторг» не от романтической стороны произведения, а от философской автора: «Он <Толстой> мне открыл свет, разрешил вопросы, которые тяготили меня» [Там же, с. 363]. В письме от 11 августа 1877 г. сообщает отзыв С. Ковалевской: «Левин, говорила она, потому заслуживает предпочтения, что он живет *просто*, ничего из себя не строит, не поддается никакой фальши» [Там же, с. 351].

Запечатлевает Страхов живые реакции людей, знакомящихся с романом: читая декабрьскую книгу «Русского вестника», «Н. Я. Данилевский расплакался» [Там же, с. 304]; «Достоевский машет руками» от восторга [Там же, с. 335].

Внимание Страхова, непосредственного свидетеля происходящего и небеспристрастного читателя, к отзывам современников позволяет ему сделать важные наблюдения, которые получают дальнейшее концептуальное развитие в работах специалистов. Он точно улавливает общую атмосферу ожидания романа, которому предшествовали многочисленные толки и слухи: «...одни говорят, что он явится в Отечественных Записках, другие уверяют, что Стасюлевич дал Вам 30.000» [Там же, с. 189]; Н. Н. Воскобойников, помощник редактора газеты «Московские ведомости», читавший роман в гранках, поставил его выше «Войны и мира» [Там же].

Чутко улавливает Страхов и общее направление полемики: по сути, мнения о романе с первых же его глав распределились между двумя противоположными полюсами – восторженным восхищением и скептическим отрицанием. Единым было одно: не было равнодушных читателей, «Анна Каренина» сразу стала ярким фактом общественно-литературной жизни. Об успехе романа Страхов писал Толстому неоднократно (см. письма от 13 февраля 1875 г. [Там же, с. 193], от 8 апреля 1876 г. [Там же, с. 258], от начала февраля 1877 г. [Там же, с. 311-312]).

Письма Страхова дают и общее представление о недостатках романа, как их видели критики: на Толстого сыплются упреки в узости темы, в безнравственности, в субъективности и аристократизме, в погрешностях стиля. Критик поднимает важный вопрос: был ли понят роман современниками? Он отмечает, что большинство прочитало его довольно примитивно: «Так я уже читал вчера, что Каренина решается на самоубийство, *убедившись, что Вронский любит другую*. Вы видите, они иначе не могут понять, да и то, вероятно, по преданию, по французским романам, а не по чувству своего собственного сердца» [Там же, с. 333]. Но вместе с тем Страхов признает, что были и «настоящие читатели», верно понимающие роман (см. его письмо от 21 апреля 1877 г. [Там же, с. 329]).

Наблюдения Страхова, касающиеся диаметральнойности высказываемых мнений, предвзятости суждений, страстности полемики, выдвинутых против романа обвинений, лягут в основу литературоведческих концепций. До настоящего времени письма Страхова к Толстому за период с 1875 по 1878 г. не рассматривались в качестве первого опыта изучения прижизненной критики.

Книги П. И. Бирюкова и Н. Н. Гусева – это специализированные исследования, в которых на широком фактическом материале осмыслены жизнь и творчество Толстого. В отличие от Страхова, биографы, обращаясь к творческой истории текстов, целенаправленно собирают, классифицируют и комментируют отзывы современников, создавая на их основе свои концепции.

П. И. Бирюков в книге «Биография Л. Н. Толстого» [3] дает очень краткий обзор профессиональных критических отзывов на «Анну Каренину». Свою задачу он видит в том, чтобы показать, «как реагировало общество на факт такого большого значения в жизни Льва Николаевича, как написание им второго большого романа» [Там же, с. 388].

В работе П. И. Бирюкова есть очень ценные наблюдения, касающиеся причин разгоревшейся вокруг Толстого полемики. Неблагоприятно сказался на восприятии романа тот факт, что он печатался с перерывами на протяжении двух лет. Это приводило к вполне закономерному явлению: читатели и критики, ожидая очередную порцию текста, делали догадки и предположения относительно дальнейшего хода событий, судеб героев. П. И. Бирюков приводит пример странной читательской реакции: А. М. Скабичевский «заподозрил Льва Николаевича в сговоре с издателем “Русского вестника” и пишущим для того, чтобы заполнить чем-нибудь его журнал и получить побольше гонорара» [Там же, с. 389]. Однако мысль исследователя, как думается, следует развить в несколько ином направлении: дело было не в том, что читатели сердились и «выражали это самым странным образом» [Там же], как в случае со Скабичевским, а в том, что при отрывочном чтении возникал сильный эффект разочарования, когда читательские предположения касательно сюжета

или образов не находили реализации в тексте. И этот аспект, при всей кажущейся его простоте, невозможно не учитывать при обращении к прижизненной критике на «Анну Каренину».

Не менее важно и другое наблюдение П. И. Бирюкова, которое впоследствии детально будет разработано в советском литературоведении. Биограф писал, что партийные отношения наложили свой отпечаток на прочтение романа: восхищалась романом дворянская партия, негодовала на роман – радикальная. Несмотря на некоторую условность и прямолинейность этого суждения, оно имеет под собой фактические основания, связанные со спецификой историко-литературного процесса середины 1870-х гг. На то, что многие читали роман под определенным углом зрения, обращали внимание и современники Толстого. В 1875 г. в газете «Новое время» вышла заметка, посвященная не собственно анализу романа, а критическим высказываниям о нем. Рассуждая об особенностях отечественной журналистики, рецензент отмечает, что «при оценке явлений текущей литературы» критики ориентируются на имя автора и журнал, где опубликовано произведение: если бы «Анна Каренина» появилась в «Отечественных записках», то его не назвали бы пошлым любовным романом. Таким образом, «наперед известно», как оценит литературную новинку та или иная газета [16, с. 2].

Однако в работе П. И. Бирюкова есть существенный недостаток, связанный с избирательным подходом к материалу. Ввиду многочисленности критических статей исследователь делит их на группы, сосредотачиваясь для наглядности на полярных суждениях. Сначала он приводит так называемую «уважительную критику», т.е. статьи, в которых роман в целом получил благоприятную оценку. П. И. Бирюков лишь суммирует общий итог высказываний Вс. Соловьева («Санкт-Петербургские ведомости») и В. В. Чуйко («Голос»), согласно которому первый рецензент восхищается художественной простотой толстовского произведения, а второй удачно проводит сопоставление творческого метода Толстого и Стендаля. Общая выжимка из работ критиков позволяет биографу лишь констатировать факт положительного прочтения романа, однако перечисление в одном ряду работ этих рецензентов не передает всей сложности сложившейся вокруг «Анны Карениной» ситуации, поскольку даже положительная оценка строилась на разных предпочтениях и порой взаимно отрицала друг друга. Так, П. И. Бирюков обходит молчанием очевидные противоречия в высказываниях критика «Голоса». В. В. Чуйко, объясняя, почему Толстой описывает героев дворянского происхождения, в одной статье пишет о стремлении писателя разоблачить мелочность интересов людей этого круга [19, с. 1], а в другой отмечает, что писатель, «не задаваясь ни историей общественных идей, ни историей нравов современного общества», ограничивается «только специальным кругом психических наблюдений» [20, с. 1]. Биограф лишь мельком упоминает, что Вс. Соловьев разочаровался в романе и поставил писателю в вину пошлость выводимых типов [3, с. 390]. Однако причины этого разочарования становятся более понятны и очевидны, если вписать статьи Вс. Соловьева в полемику 1875 г., которая повлияла на его первоначальные суждения.

Статьи отрицательные, например А. М. Скабичевского, П. Н. Ткачева, рецензента «Новороссийского телеграфа», П. И. Бирюков вообще не рассматривает серьезно, причисляет их к «партии озлобленных» и приводит только в качестве курьеза. Однако курьезными они быть не могли, поскольку и А. М. Скабичевский, и П. Н. Ткачев имели обширную аудиторию читателей, а журнал «Дело» был одним из самых читаемых изданий [8, с. 383]. К тому же они в значительной степени формировали общественное мнение вокруг «Анны Карениной», поэтому не включать их в полемику невозможно, не искажая реальной картины. К серьезной отрицательной критике Бирюков относит только статью А. В. Станкевича, появившуюся в «Вестнике Европы», но не конкретизирует суть ее основных положений.

Свои наблюдения П. И. Бирюков заключает выводом, не вполне соответствующим действительности: роман «не понят, не оценен во всем его объеме, во всей его глубине тех основных вопросов человеческой жизни, которых касается автор...» [3, с. 394]. Вдумчивых читателей, конечно, было немного, но они были: уже в 1875 г. стали появляться рецензии, в которых критики старались осмыслить художественное своеобразие романа, оценить выведенные типы с позиций их жизненности и правдоподобия [4].

Н. Н. Гусев в книге «Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1870 по 1881 год» [8] при анализе критических отзывов на «Анну Каренину» избирает иной принцип подачи материала, нежели П. И. Бирюков: критический материал выстраивается согласно хронологии выхода романа в «Русском вестнике». Это позволяет не только охватить широкий круг периодических изданий, но и воссоздать атмосферу полемики, проследить эволюцию мнений. Многие периодические издания («Голос», «Биржевые ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости» и др.) комментировали каждый номер журнала с главами романа. Пишет Н. Н. Гусев и о статьях, специально посвященных разгоревшейся на страницах периодических изданий полемике. Статья П. Н. Ткачева в журнале «Дело» (1875 г.) возмутила рецензентов «Московских ведомостей» и «Гражданина», а на статью В. П. Буренина в «Новом времени» ответил критик «Голоса» [Там же, с. 385]. Сложную картину разноречивых мнений и толков дополняют отзывы известных писателей, в основном отраженные в частной переписке. Н. Н. Гусев приводит выписки не только из писем Фета и Страхова, как сделал это П. И. Бирюков, но и из писем И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. Этот аспект, безусловно, очень важен, поскольку высказывались люди, понимающие законы творчества изнутри.

Суммируя высказывания критиков, Н. Н. Гусев приходит к выводу, что в толстовском романе читателей увлекала, прежде всего, сюжетная линия Анны и Вронского, история же Левина, его философия вызвала мало сочувствия. Постепенно в читательском сознании формируется предубеждение относительно художественной целостности романа: Толстого нередко упрекали в нарушении композиционного единства [14].

Однако выводы Н. Н. Гусева, как и П. Бирюкова, нередко носят субъективный характер. По его мнению, издания, которые положительно отозвались на роман («Голос», «Санкт-Петербургские ведомости», «Новости»,

«Астраханский справочный листок»), «в основном верно» поняли авторский замысел. И наоборот, ругатели Толстого («Одесский вестник», «Биржевые ведомости», «Дело») проявили совершенное непонимание основной идеи романа. Конечно, такая классификация мало соответствует действительности, поскольку авторский замысел часто был не понят и расположенными к Толстому рецензентами. В 1876 г. В. Г. Авсеенко опубликовал в «Русском вестнике» «Литературное обозрение», в котором, по словам Н. Н. Гусева, критик «на этот раз не выражал своего преклонения перед аристократизмом и аристократическим образом жизни... а говорил только о художественной стороне “Анны Карениной”» [8, с. 388]. В. Г. Авсеенко пишет о том, что при чтении романа мысль порой чувствует неудовлетворение, но «способность рассказывать у графа Толстого так велика, что для эстетически восприимчивого читателя становится, наконец, все равно, о чем он рассказывает» [1, с. 503]. Сомнительный, конечно, комплимент таланту Толстого. Сходные суждения были и в статьях В. В. Чуйко, который писал: «Вместо того, чтобы поучать, негодовать, умиляться, граф Л. Н. Толстой только рассказывает» [20, с. 2].

Несмотря на то, что Н. Н. Гусев учитывает общественно-идеологическую специфику литературного процесса 1870-х гг., он вписывает критику в узкие рамки положительных/отрицательных оценок без аналитического к ним подхода: из статей положительных приводятся объемные цитаты, касающиеся и общей характеристики романа, и отдельных образов; из отрицательных к выписываемым цитатам прибавляется краткий комментарий наподобие: «... ни Михайловский, ни Суворин совершенно не заметили подлинного, резко отрицательного отношения Толстого к тому аристократическому обществу, которое он изображал» [8, с. 381] (вопрос в другом: не заметили или не захотели заметить?). Появление отрицательных отзывов Н. Н. Гусев объясняет уникальностью художественной формы романа, оставшейся недоступной для большинства. Однако уникальность «Анны Карениной» была часто недоступна не только хулителям, но и доброжелателям Толстого. Выстраиваемая биографом система оценок призвана не передать объективно сложившуюся картину, а защитить роман. Деление критиков на сочувствующих и несочувствующих не позволила Н. Н. Гусеву увидеть и еще один факт: журнальная полемика, по сути, касалась ограниченного круга вопросов, разногласия между критиками разных лагерей часто были кажущимися.

Обходит молчанием Н. Н. Гусев и многие аспекты полемики. Разбирая отзывы Вс. Соловьева 1875 г., исследователь отмечает их сочувственный тон и лишь мимоходом пишет о некоторых критических замечаниях рецензента. Однако уже во второй статье Вс. Соловьев в довольно резких тонах говорит об Анне [17], а в третьей – открыто заявляет, что Толстой исписался [18]. Поскольку в отзывах Вс. Соловьева 1876 г. уже нельзя было не заметить резких высказываний в адрес Толстого, Н. Н. Гусев просто называет его малоталантливым критиком и переходит к другому имени. Однако отзыв того же Вс. Соловьева 1875 г., в котором дается положительная оценка роману, Н. Н. Гусев назвал «очень содержательной статьей» [8, с. 372]. Думается, что такая противоречивость оценок биографа кроется в неверности исходного тезиса, согласно которому положительное прочтение романа приравнивалось к его верному осмыслению.

Безусловно, книги П. И. Бирюкова и Н. Н. Гусева выстроены на основе серьезной исследовательской работы, которая определяет высокую степень их научной значимости. Общение с Толстым, знание эпохи изнутри, богатый фактический материал делают их труды незаменимым источником для изучения жизни и творчества Толстого. Однако представленный ими критический материал в виде обзора без серьезного анализа его – это лишь первая ступень изучения вопроса, касающегося прижизненной критики на «Анну Каренину».

О. Немеровская в статье «Вокруг “Анны Карениной”», опубликованной в 1928 г. в журнале «Печать и революция» [12], проблему прижизненных отзывов на «Анну Каренину» рассматривает принципиально иначе, нежели предшественники. П. И. Бирюков и Н. Н. Гусев при описании критических отзывов ориентировались на положительность и отрицательность оценок, на понимание или непонимание идеи романа. О. Немеровская же решает вопрос в иной плоскости: для нее важно выявить те объективные причины, которые спровоцировали «критическую кампанию, поднятую против Л. Толстого» [Там же, с. 127]. Исследовательница исходит из методологически важного положения, согласно которому каждая эпоха предъявляет свои требования к писателю [Там же].

О. Немеровская подробно реконструирует историко-литературный процесс 1870-х гг., имеющий принципиальные отличия от предшествующей литературной эпохи, поскольку полемику вокруг «Анны Карениной» невозможно понять вне контекста эпохи. Она убедительно прослеживает, как зарождались новые требования к художественному произведению, в котором начинала цениться тенденция, как постепенно сформировалась оппозиция нужных (крестьянских) и ненужных (светских) тем, как вопрос о значении художественного качества заменялся вопросом о материале. Выбор темы и материала определял направление журнальной полемики, что в полной степени отразилось на «Анне Карениной». Подробно пишет О. Немеровская и о специфике журналистики 1870-х гг., в которой шла четкая дифференциация по произведениям и периодическим изданиям: существовала прямая связь между направлением журнала и публикуемым в нем произведением, что рождало предсказуемость оценок и критических суждений. Публикация «Анны Карениной» в «Русском вестнике», любовная тема, великосветская среда, даже графский титул Толстого – все это предопределило бурные споры вокруг романа.

Однако исследовательница сосредотачивается в рамках выбранного аспекта на рассмотрении статей критиков демократического лагеря, оставляя за пределами работы огромный пласт критического материала. Такой подход позволяет осветить проблему лишь с одной стороны, не передавая всей ее сложности.

Следующее поколение исследователей рассматривало критику на «Анну Каренину» в русле намеченного О. Немеровской аспекта – с позиций общественно-идеологической борьбы середины 1870-х гг.

С. П. Бычков, автор вступительной статьи в сборнике «Л. Н. Толстой в русской критике» [5], и И. Е. Гринева, опубликовавшая статью «Русская журнальная критика 70-х гг. XIX века о романе Л. Н. Толстого “Анна Каренина”» [7], приходят к сходным наблюдениям: реакционеры, либералы, народники, демократы читали роман под углом зрения своих общественных взглядов. Реакционная критика противопоставляла толстовское произведение русской действительности 1870-х гг.; либеральная, народническая, демократическая критика осуждала роман за поэтизацию дворянского мира и отсутствие общественного значения. С этим нельзя не согласиться: историко-литературный процесс середины 1870-х гг. невозможно понять вне общественно-идеологического контекста. Однако объяснение полемики, развернувшейся вокруг «Анны Карениной», только этим контекстом значительно упрощает представление о ней.

Кроме того, и С. П. Бычков, и И. Е. Гринева несвободны в своих суждениях: их оценки строятся на четкой идеологической позиции советского литературоведения. С. П. Бычков, прочитавший «Анну Каренину» как социальный роман, резко негативно пишет о критиках, которые не смогли «правильно», с его точки зрения, прочитать текст. Отсюда и категоричность суждений, мешающая объективному исследованию и выливающаяся нередко во фразы типа: «Достоевский рассматривал роман Толстого в духе реакционной “почвеннической” идеологии. Он вытаскивал на свет свои изуверские “теорийки” о вечной прирожденности греха, о “таинственной и роковой неизбежности зла”, от которых якобы невозможно избавить человека» [5, с. 31].

В русле советской идеологии развиваются и многие суждения И. Е. Гриневой: «Автор заметки правильно сумел найти слабость Толстого, выразившуюся в его стремлении примирить классовые противоречия путем пассивного сопротивления людей господствовавшему в мире угнетению человека человеком» [7, с. 138]. Конечно, это своеобразная дань времени, но подобного рода идеологическая окраска сказывалась на конечных выводах исследователей. Правда, статья И. Е. Гриневой выгодно отличается тем, что в ней дан не просто обзор критических статей, а их анализ. Исследовательница рассматривает прижизненную критику в сложной совокупности ее суждений. Она подробно освещает достоинства и недостатки романа, отмеченные критиками и касающиеся самых разных сторон его художественного мира; отмечает полемику внутри одного лагеря, свидетельствующую о противоречивости и неоднозначности оценок; характеризует эстетические взгляды критиков, помогающие понять характер их критических высказываний о романе. Эти сведения позволяют исследовательнице сделать важные наблюдения, убедительно обоснованные фактами. Нельзя не согласиться с мнением И. Е. Гриневой, которая пишет об общности либеральной и реакционной критики в подходе к Толстому. Но этот вывод просто констатируется: исследовательница не ставит перед собой вопроса, почему было такое единодушие в прочтении романа, не включает в эту общность демократические издания (кроме Антоновича), которые также не признавали в «Анне Карениной» социального романа.

Несмотря на серьезность исследовательской позиции, И. Е. Гринева делает общий с С. П. Бычковым вывод, не соответствующий действительности: «Анна Каренина» осталась не понятой критикой 1870-х гг.

Качественно новый подход к проблеме восприятия «Анны Карениной» отражен в книге В. З. Горной «Мир читает “Анну Каренину”» [6]. Привлекая богатый архивный материал, исследовательница воссоздает живую атмосферу «споров, противоположных мнений и отзывов» [Там же, с. 11]. Основное внимание В. З. Горная, в отличие от своих предшественников, уделяет мемуарным источникам – дневникам, письмам, воспоминаниям, отразившим непосредственные живые отклики и не предназначавшимся к печати, интересным деталям, свидетельствующим о популярности толстовских образов, ставших частью бытовой жизни современников. Исследовательница подробно описывает, какое впечатление произвел роман в писательской среде, разделившейся на почитателей Толстого и его отрицателей, как менялись со временем первоначальные оценки. Безусловную ценность имеют приводимые В. З. Горной впечатления простых читателей. Так, она цитирует письма гимназистов-восьмиклассников, Н. А. Арсеньевой, жены тульского чиновника, врача А. Тимофеева и многих других.

В. З. Горная одна из первых сформулировала важный тезис: «...распространенное мнение о том, будто все передовые люди 70-х гг. осуждали “АК”, а все реакционеры его восхваляли, неполно и односторонне» [Там же, с. 22]. В качестве подтверждения приводятся высказывания князя В. М. Голицына, акад. И. И. Срезневского, цензора А. В. Никитенко, не принявших роман за «отрицательное» направление.

В. З. Горная подробно освещает восприятие «Анны Карениной» не только в 1870-е гг., но и в последующие десятилетия (вплоть до начала XX в.). Исследовательница отмечает, что, с одной стороны, было глубокое и вдумчивое прочтение романа, которое осознавалось как одно из самых значительных произведений русской литературы; но с другой – сохранялось устойчивое предубеждение против него. Объектом анализа становятся статьи К. Леонтьева, М. С. Громеки, В. П. Мещерского, Р. А. Дистерло, Дм. Овсяннико-Куликовского, Л. Шестова, Д. Мережковского, В. В. Вересаева.

Общий итог, не сформулированный В. З. Горной, но очевидно вытекающий из ее работы, заключается в том, что «Анна Каренина» читалась горячо, заинтересованно, вызывая множество самых противоречивых откликов: «от благоговейного восхищения до разочарования, недовольства и даже возмущения» [Там же, с. 11].

Профессиональные критические отзывы 1875-1878 гг. освещены в книге менее подробно. Исследовательница вслед за предшественниками пишет об идейно-литературной борьбе, определившей во многом восприятие романа, но в отличие от них подробнее останавливается на «общественно-психологических причинах» [Там же, с. 20], связанных с обострением революционно-народнической борьбы и закономерным выдвиганием вперед литературы с общественными конфликтами (Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин,

Г. Успенский). Из профессиональных отзывов В. З. Горная останавливается на статьях В. Г. Авсеенко, П. Н. Ткачева, А. М. Скабичевского, М. А. Антоновича, т.е. представителей реакционного и демократического направления. Основные ее выводы совпадают с тем, о чем неоднократно писали предшественники. В этой части работы есть ряд спорных утверждений. Так, вся критика 1870-х гг. в изложении В. З. Горной сводится к борьбе между реакционерами и демократами, что, конечно, не соответствует действительности. Более того, сомнительно и утверждение, что «острая идейно-литературная борьба осложняла восприятие романа литераторами демократического лагеря» [Там же, с. 17], что П. Н. Ткачев и А. М. Скабичевский проявили поразительное непонимание романа, «сбитые с толку реакционными рецензентами» [Там же, с. 18]. Это в корне неверно. Тон полемике часто задавали не реакционные критики, а демократы, под влиянием которых меняли свои суждения критики других направлений. Об этом неоднократно писали в периодических изданиях середины 1870-х гг. Рецензент газеты «Новости» пишет, что роман «породил большие ожидания как в литературе, так и в публике», но в «критике начали появляться осуждения разных отдельных промахов автора... и публика вдруг охладела» к роману [11, с. 1].

Г. В. Краснов в статье «Основные вехи в восприятии романа “Анна Каренина”» [9], следуя сложившейся научной традиции, отмечает несколько важных причин возникновения журнальной полемики. «Анна Каренина», во-первых, удивляла традиционностью жанра романа, построенного на любовной коллизии и не отражающего злободневные конфликты своего времени; во-вторых, прочитывалась в свете «общественно-политических симпатий» журнальных партий [Там же, с. 189]. Но важен и другой аспект, на который исследователь обращает внимание: «Анну Каренину» правильно воспринимать в литературном контексте светской беллетристики, с одной стороны, и произведений И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского – с другой. По сути, Г. В. Краснов подробно и убедительно развивает мысль, впервые высказанную Н. Н. Гусевым: полемика вокруг «Анны Карениной» во многом объясняется сложностью художественного мира произведения, архитектоника которого построена на «внутренней связи» [15, с. 377]. Роман «диктовал свои эстетические требования» читателям [9, с. 197]. Отмечает Г. В. Краснов сложность и неоднозначность положительных оценок, которые часто сужали идею романа. Исследователь называет В. В. Чуйко, рассматривающего роман в духе «этнографической и личной истории русского человека», Н. Н. Страхова и К. Леонтьева, истолковывающих роман «в чисто религиозном смысле» [Там же, с. 202]. Восприятие толстовского романа в конце XIX века, в модернистской критике, в советской читательской аудитории отражает новые этапы осмысления текста.

Но статья Г. В. Краснова ориентирована на выявление общих тенденций в восприятии романа, поэтому в ней мало отразились конкретные факты по журнальной полемике 1875-1878 гг., а она является важнейшим этапом в оценке романа Толстого.

Монография Э. Г. Бабаева «Л. Н. Толстой и русская журналистика его эпохи» [2] – концептуально новый этап в изучении вопроса. Значительный по объему фактический материал предваряется объяснением методологических принципов, без осознания которых невозможно серьезное научное исследование.

Э. Г. Бабаев считает, что осмысление «Анны Карениной» невозможно вне комплексного изучения истории литературы, журналистики и критики, поскольку только так можно восстановить исторический контекст взаимоотношений Толстого и журналистики его эпохи, которая формировала изначальное «общее мнение» о его произведениях. И это глубоко верно. Исследователь пишет о сложных связях Толстого с журналами на протяжении всей его жизни, об отношении писателя к критике; вписывает «Анну Каренину» не только в литературный процесс своего времени, но и в творческую эволюцию писателя (от «Войны и мира» к «Анне Карениной»); подробно характеризует эпоху 1870 г., поскольку в толкованиях всегда отражается эпоха [Там же, с. 23]. Все это создает широкую панораму литературного процесса известного периода.

Важно и другое проводимое исследователем положение. По его мнению, в научный оборот необходимо ввести не отдельные фрагментарные факты и документы полемики, а в целом всю полемику, которую нужно рассматривать как «систему позиций и оценок» [Там же, с. 18], поскольку только так можно передать колорит эпохи, «шум времени». Э. Г. Бабаев так объясняет свою цель: «В предлагаемом исследовании литературная критика времен Толстого взята в свете определенных журнальных тенденций не как “сумма примеров”, а именно как “динамическая система” на основе принципа историзма» [Там же, с. 6].

Анализ конкретных критических статей ученый вписывает в широкий историко-литературный контекст: он подробно останавливается на «направлении» журнала, вводит биографические сведения об издателях и критиках, нередко обращается к работам критиков о Толстом более раннего периода (до «Анны Карениной»), выявляет эстетические взгляды рецензентов, с позиций которых они подходили к оценке художественного произведения. Если предшественники не обращали серьезного внимания на работы В. Г. Авсеенко, которого относили к партии консерваторов, превратно понимавших роман, то Э. Г. Бабаев видит в нем одного из тех, кто формировал общее мнение о романе наряду с демократическими изданиями: «Статьи и обзоры Авсеенко... несомненно, привлекали внимание читателей. Опыт профессионального историка и беллетриста пригодился ему, когда он обратился к жанрам литературной критики» [Там же, с. 118].

Выстраивает Э. Г. Бабаев и сложную картину внутрижурнальных отношений, раскрывая остроту полемики критиков разных лагерей: П. Н. Ткачева и А. М. Скабичевского, П. Н. Ткачева и Вс. Соловьева, А. М. Скабичевского и Н. К. Михайловского и др. Это позволяет исследователю выстроить полемику вокруг «Анны Карениной» не линейно, с последовательным перечислением критиков и их работ, а в динамике мнений, споров, разногласий.

Ценно наблюдение Э. Г. Бабаева о мнимом расхождении между В. Г. Авсеенко и П. Н. Ткачевым, давшими «прямо противоположные по форме, но сходные по существу оценки» роману [Там же, с. 139]. Однако расхождения были не только между названными критиками: в целом оценки положительные и отрицательные отличались зачастую только знаком, но строились на общих положениях. Этот аспект проблемы почти не привлекал к себе должного внимания и требует поэтому дальнейшего изучения.

Однако в своей книге Э. Г. Бабаев останавливается только на именах известных критиков, о которых неоднократно писали предшественники, и не учитывает анонимные статьи, статьи провинциальной периодики, а они составляют довольно многочисленную и совсем не безликую массу. С этой точки зрения работа Э. Г. Бабаева также требует существенных дополнений.

Изучение прижизненных отзывов на «Анну Каренину» имеет серьезную научную традицию. Реконструкция полемики вокруг «Анны Карениной» потребовала от исследователей обращения к разным сторонам историко-литературного процесса. Особенности журналистики второй половины XIX века, делящейся на «партии», противоречивость исторического времени пореформенной поры, сложность художественной формы романа, «внутреннюю связь» которого многие не смогли увидеть в силу разного рода предубеждений – эти и многие другие причины, спровоцировавшие полемику вокруг романа, становились предметом серьезных научных размышлений не одного поколения ученых. Однако проблема восприятия толстовского произведения до сих пор остается актуальной.

В изучении критических отзывов на роман существует несколько важных пробелов. Исследователи подробно писали о том, что журналистика второй половины XIX в. отражала общественно-политические размежевания русского общества, но не учитывали специфику издательского дела. Если в первой половине XIX в. в периодике первенство было за журналами (по самым разным причинам как технического, так и цензурного характера), то на 1870-е гг. приходится интенсивное развитие газеты. В отличие от журнала, выходящего, как правило, раз в месяц, газета более оперативное откликалась на события и, соответственно, имела значительно более широкий круг подписчиков. Газеты, количество которых в 70-е гг. значительно возросло в сравнении с предыдущим десятилетием, оттесняют журналы на второй план, вот почему критика на «Анну Каренину» была в общей своей массе газетной. Думается, что статьи журнальные и газетные имели свои специфические черты, на что до сих пор не обращали специального внимания. Например, частотность выхода газетных номеров естественным образом накладывала свой отпечаток и на качество, и на характер публикуемого материала.

Спорность вызывает и принцип отбора материала, и качество его освещения в филологических работах предшествующего периода. Специалисты определили некий круг критических статей, изучение которых приводило к определенным выводам, но этот круг был намного шире. Например, на протяжении нескольких лет газета «Сын Отечества» помещала на своих страницах рецензии на роман, которые не упомянуты ни в одной литературоведческой работе [13]. Возможно, что качество анализа этих рецензий, их ориентация на пересказ, отсутствие полемического задора явились тому причиной, но статьи анонимного рецензента «Сына Отечества» отражают общие тенденции в восприятии толстовского текста. Избирательность в отборе критического материала приводит к нарушению объективности. Без учета всего спектра полемики невозможна полноценная научная реконструкция истории вхождения романа «Анна Каренина» в сознание современников писателя.

Список источников

1. А. <Авсеенко В. Г.> Литературное обозрение // Русский вестник. М., 1876. Т. 121. № 1. С. 496-510.
2. Бабаев Э. Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи. М.: Изд-во МГУ, 1993. 285 с.
3. Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого: в 2-х кн. М.: Алгоритм, 2000. Кн. 1. 528 с.
4. Богороцкий Л. «Анна Каренина» (Новый роман графа Л. Н. Толстого). Критический обзор // Ремесленная газета. М., 1875. 3 мая. № 9. С. 197-200; 1875. 17 мая. № 11. С. 233-236; 1875. 24 мая. № 12. С. 251-253; 1875. 31 мая. № 13. С. 263-265; 1875. 7 июня. № 14. С. 283-284.
5. Бычков С. П. Толстой в оценке русской критики // Л. Н. Толстой в русской критике: сборник статей. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. С. 3-52.
6. Горная В. З. Мир читает «Анну Каренину». М.: Книга, 1979. 128 с.
7. Гринева И. Е. Русская журнальная критика 70-х гг. XIX века о романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. М., 1963. Т. 122. Русская литература. Вып. 8. С. 129-147.
8. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 695 с.
9. Краснов Г. В. Основные вехи в восприятии романа «Анна Каренина» // Литературные произведения в движении эпох. М.: Наука, 1979. С. 184-228.
10. Л. Н. Толстой – Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: в 2-х т. / Славян. исследоват. группа при Оттавском ун-те; Гос. музей Л. Н. Толстого; сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова; ред. А. А. Донсков. М. – Оттава, 2003. 1080 с.
11. М. В. <?> Журналистика // Новости. СПб., 1875. 17 мая. № 134. С. 1-2.
12. Немеровская О. Вокруг «Анны Карениной» // Печать и революция. М.: Гос. изд-во, 1928. Кн. 6. Сентябрь. С. 127-138.
13. Русская литература // Сын Отечества. СПб., 1875. 4 (16) марта. № 50. С. 1-2; 1875. 20 марта (1 апреля). № 64. С. 1-2; 1875. 13 (25) мая. № 106. С. 1; 1875. 12 (24) июня. № 131. С. 1.
14. Станкевич А. Каренина и Левин: литературно-критический очерк // Вестник Европы. СПб., 1878. Книга 4. Апрель. С. 784-820; Книга 5. Май. С. 172-193.
15. Толстой Л. Н. – Рачинскому С. А. 27 января 1878 г. Ясная Поляна // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Юбилейное издание. М. – Л.: Государственное изд-во художественной литературы, 1953. Т. 62. С. 376-378.
16. Экс <Чебышев-Дмитриев А. П. ?> Письма о текущей литературе и еще кое о чем // Новое время. СПб., 1875. № 55. С. 1-2.

17. *Sine ira* <Соловьев В.> Наши журналы // Санкт-Петербургские ведомости. 20 марта 1875. № 65. С. 1-2.
18. *Sine ira* <Соловьев В.> Наши журналы // Санкт-Петербургские ведомости. 1875. 19 апреля. № 105. С. 1-2.
19. X. Y. Z. <Чуйко В. В.> Очерки литературы // Голос. СПб., 1875. 13 (25) марта. № 72. С. 1-2.
20. X. Y. Z. <Чуйко В. В.> Очерки литературы // Голос. СПб., 1875. 17 (29) апреля. № 105. С. 1-2.

**L. N. TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA"
IN THE RUSSIAN CRITICISM: HISTORY OF THE PROBLEM**

Romanova Natal'ya Ivanovna, Ph. D. in Philology

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow
natromanova2007@yandex.ru

The article considers journalistic polemics of 1875-1878 about L. N. Tolstoy's novel "Anna Karenina" and the history of its studying. The relevance of the research lies in the fact that there are no such works in the modern literary criticism. Having analyzed his predecessors' research experience the author, on the one hand, identifies considerable incompleteness of factual material on the basis of which the studies were developed and, on the other hand, proposes conceptually new approach to the problem of contemporary perception of the novel. This approach constitutes scientific originality of the research. Practical value of the findings involves a new approach to "Anna Karenina" creative history.

Key words and phrases: L. N. Tolstoy; historical and literary process; criticism; novel; interpretation; polemics; periodicals; scientific tradition; creative history.

УДК 81.42

В статье рассматривается роль бога Локи в юмористическом дискурсе древнескандинавской мифологической традиции. Исследование образа Локи и его речевых особенностей показало, что он представляет собой характерный пример эпического трикстера. Поведение Локи как трикстера проанализировано на материале песен «Старшей» и «Младшей Эдды». В ходе этого выявлены основные речевые черты этого персонажа скандинавского фольклора. Также установлено влияние феномена Локи на формирование комического жанра в литературе, искусстве и культуре в целом.

Ключевые слова и фразы: юмор; дискурс; мифология; древнескандинавский эпос; трикстер; архетип; прямая речь; гипербола.

Самарин Дмитрий Александрович, к. филол. н.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
d.samarin.2015@mail.ru

ОБРАЗ ЛОКИ В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СКАНДИНАВСКИХ МИФОВ

Нет сомнения в том, что концепты «сатира» и «юмор» как элементы концептуальной картины мира представляют собой устойчивые культурно-национальные изображения определённых явлений и ситуаций. И смех, и юмор неотъемлемы от самой человеческой природы и жизни в целом. Они нашли своё отражение в самых первых эпических произведениях. Юмор в них представляет собой объект лингвокультурологического исследования.

Для характеристики той или иной сферы общения в лингвистике применяется термин «дискурс» (от фр. *discours* «речь»). Различные шуточные или юмористические ситуации охватываются понятием «юмористический дискурс». Слово «юмор» имеет английское происхождение, но в английский язык оно пришло из французского языка, первоначально восходя к латинскому слову «*humor*», означающему «влага», «жидкость». Г. Г. Фефелова указывала: «Развитие этого значения означало “жизненные соки в человеческом организме”, с которыми в средние века стали связывать “характер, темперамент человека”» [13, с. 171]. На почве английского языка французское слово получило уже значение «склонность к насмешке (осмеянию)», затем образовав ставшую интернациональной лексему «юмор».

Юмористический дискурс, очевидно, зарождался вместе с мифологией, представляя собой необходимый элемент сакральных текстов. Данный дискурс обширно представлен, в частности, в древнескандинавском эпосе. В нём он часто неотделим от фигуры бога Локи (др.-сканд. *Loki*) – сына ётуна Фарбаути и Лаувейи, известного в качестве бога хитрости и обмана. В книге «Миф» М. И. Стеблин-Каменский, характеризуя этого бога, подчёркивал: «Но Локи, который наделён личной индивидуальностью, пожалуй, больше всех остальных персонажей эддических мифов, несомненно, никогда не был объектом религиозного культа» [11, с. 70]. В «Истории зарубежной литературы» М. П. Алексеева и его соавторов также показано особое положение этого мифологического характера: «Локи стоит между богами и великанами и будет сражаться против богов в последней битве перед концом мира» [1, с. 33]. Именно Локи представляет собой яркое проявление интересного и неоднозначного образа архаической мифологии – комического дублёра культурного героя. Этот дублёр совсем неслучайно получил название трикстера (от англ. «*trick*» – трюк; «*trickster*», соответственно, – обманщик, ловкач, трюкач).